

Л. В. ШЕБАРШИН

Рука Москвы. Разведка от расцвета до развала

<Фрагмент>

В конце 1973 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев направляется с официальным визитом в Индию. Наступает момент высшего напряжения для резидентуры. Необходима информация по всему спектру политических проблем, которая помогла бы Москве сформулировать свою позицию на переговорах. Наша информация, естественно, будет на столе руководства одновременно с депешами посольства, торгпредства, справками Международного отдела ЦК. Она должна отличаться от этих материалов большей конкретностью, содержать неизвестные данные, иными словами, быть действительно разведывательной информацией. Возможности для получения такой информации есть.

Резидентура вместе с посольством, представителями агентства печати «Новости», Союза советских обществ дружбы и т. п. принимает меры к тому, чтобы содействовать созданию благоприятной общественной атмосферы в стране накануне и в дни визита, упредить возможные недружественные выпады со стороны оппозиции и тайных союзников нашего извечного «главного противника». Контакты в политических партиях, среди журналистов, в общественных организациях у нас обширные, и все с энтузиазмом включаются в работу. Энтузиазм неподдельный. Индийская общественность и политики действительно ценят добрые отношения Индии с Советским Союзом, а визит советского лидера позволит еще более укрепить их.

Последнее, но, пожалуй, самое важное — обеспечение безопасности в ходе визита. Естественно, это задача индийской стороны, но мы должны принять все меры к выявлению возможных угроз, слабых мест в организации охраны и подсказать индийцам, как их устранить. Для этой цели в Индию прибывает передовая группа Девятого управления¹. Группа с помощью нашего офицера без-

опасности вступает в контакт с индийскими коллегами и начинает методично прорабатывать систему охраны резиденции «номера первого», маршруты его передвижения, места проведения массовых мероприятий.

Темп работы нарастает. Вовлекаются все новые силы, из Москвы прибывают связисты, журналисты, эксперты, охрана, тонны грузов. Очень много толковых, энергичных и распорядительных людей, но все они распоряжаются независимо друг от друга, и возникает сумятица. Вместе с временным поверенным В. К. Болдыревым² составляем план, где каждому определены задачи, место в общем порядке подготовки визита.

Наступает 26 ноября. Все идет четко. Воодушевлению индийцев нет предела, мы все купаемся в море дружелюбия. Более чем тепло принимает Брежнева индийский парламент. Наш лидер в хорошей форме, демократичен, разумен, обаятелен. Индийцам он нравится, и мы отмечаем, что в печати в эти дни не появилось ни одной колкости в адрес Советского Союза.

Однако не обходится без накладок. Индира Ганди и Л. И. Брежнев должны выступить перед народом на просторной площади у Красного форта, там, где в 1947 году отец Индиры Джавахарлар Неру провозгласил независимость Индии. Посольские переводчики трудятся над переводом объемистой речи Брежнева на хинди. (Его выступление в парламенте блестяще переводил на английский В. М. Суходрев). Индийские власти занимаются организационной стороной дела. С утра начинают свозить автобусами народ из окрестных деревень, добровольцы Нацконгресса ведут на митинг сторонников своей партии. Стихийность в такого рода делах опасна. На площади собирается до двух миллионов человек. Ганди и Брежнев встречаются мощными аплодисментами. Выступает Брежнев. Его речь оказывается чрезвычайно длинной, политически насыщенной, написанной по манере тех времен тяжеловесно. Но главная беда в том, что ее перевели на высокоинтеллигентный, санскритизированный хинди. Этот язык абсолютно недоступен малограмотной аудитории. С таким же успехом речь можно было произносить на русском. Темнело, слушатели пытались уходить, полиция их удерживала. Мероприятие не удалось. Брежнев заметил что-то неладное, но его успокоили дружным хором.

В целом же визит по тогдашней моде был назван историческим. Наши отношения с Индией получили новый мощный импульс. Вклад службы в подготовку и проведение визита был немалым.

Работа продолжалась.

В марте 1975 года уехал в Москву Я. П. Медяник³, оставив по себе добрую память и среди индийцев, и в советских учреждениях.

На мою долю выпало занять место резидента. Круг обязанностей расширился, ответственность возросла. В нашей службе действует принцип единоначалия, и мне очень скоро пришлось на собственном опыте убедиться не только в несомненных преимуществах, но и в недостатках этого принципа для самого начальника.

В широчайшем диапазоне проблем, занимавших наше руководство, постоянно присутствовала Бангладеш. Война давно закончилась, удивительно быстро вернулись на родину десять миллионов беженцев, которые якобы бежали в Индию от злодеяний пакистанской армии, вернулись в Пакистан и девяносто три тысячи солдат, интернированных после войны. Время от времени в бангладешской и индийской печати появлялось упоминание о трех миллионах бангладешцев, павших от рук пакистанцев. Нам была известна история появления этих «трех миллионов». Во время встречи с бангладешским лидером, «отцом нации» Муджибуром Рахманом, в 1972 году, когда страсти еще не остыли, советские журналисты задали ему вопрос о числе жертв. Рахман замялся, сказал, что их было очень много. Корреспондент «Правды» Иван Щедров услужливо подсказал: «Миллиона три». Рахман тут же подтвердил, что именно столько, три миллиона. Так и пошла гулять эта цифра по свету.

К 1975 году отношения Индии и Бангладеш приобрели напряженный характер. Былое единодушие сменилось подозрением, взаимными упреками, конфликтами.

15 августа на рассвете пять офицеров бангладешской армии во главе роты солдат ворвались во дворец президента Бангладеш и расстреляли из автоматов самого «отца нации» Муджибура Рахмана, его родственников, премьер-министра Мансура Али. Бангладеш была объявлена исламской республикой.

Событие застало Индию врасплох. Надо сказать, что такого рода происшествия не поддаются точному прогнозу. Конечно, дипломаты и разведчики замечают, как создаются условия и предпосылки для переворота, иногда можно вычислить потенциальных заговорщиков, хотя гораздо труднее получить об этом надежную информацию. Если есть утечка сведений о готовящемся перевороте и его участниках, можно с уверенностью считать, что успешным этот переворот не будет. И кто мог предсказать, что молодой майор, которого на чьей-то свадьбе публично оскорбил сын президента, не станет долго нянчить свою обиду, а, собрав товарищей, пойдет убивать «отца нации» и провозглашать исламскую республику?⁴

Помню, в этот день у нас в посольстве проходило заседание парткома. Речь шла, как всегда, обо всем и ни о чем. Отношения

с партийной властью у меня складывались не вполне гладко, и не по каким-то высоким соображениям. Я был абсолютно лояльным членом КПСС, входил в состав парткома и никогда не подвергал сомнению целесообразность его существования.

Сложности возникали по конкретным эпизодам жизни советских учреждений. У нас ведь как: коли возникли трения с парткомом, тем более сиди на его заседаниях — нудных, скучных, бесконечно длинных. С утра были даны задания работникам, запрошена через Центр информация из Дакки. До сих пор помню то раздражение, которое вызывало у меня это отвлечение от дела. Вдруг дежурный докладывает: звонят из секретариата премьер-министра. Один из личных помощников Индиры Ганди хотел бы видеть меня в секретариате по возможности срочно. Быстро просматриваю поступившую информацию — ничего существенного, в основном домыслы, рассуждения, опасения. Еду в секретариат. Собеседник мне прекрасно известен, но лично с ним я встречаюсь впервые. Объясняет, что хотел бы обменяться с представителем посольства мнениями о событиях в Бангладеш. Ситуация интересная, но требует определенности. Говорю, что в посольстве есть временный поверенный в делах (посол В. Ф. Мальцев в отпуске) и, видимо, меня попросили приехать по недоразумению; что я готов связаться с поверенным и не сомневаюсь, что через полчаса он будет здесь.

Несколько помявшись, собеседник поясняет, что он получил указание сверху (у него только один босс — Индира Ганди) встретиться именно со мной. Это другое дело, думаю, — ясность внесена.

В ходе этой первой беседы мне было нечем удовлетворить интерес индийца. На его вопрос, не вовлечены ли в переворот китайцы, честно сказал, что оснований для такого вывода у меня нет и я лично считаю его весьма маловероятным.

Необходимость в контакте в дальнейшем возникала у обеих сторон. Должен, однако, отметить, что моя ведомственная принадлежность явно смущала и тяготила индийца, и он откровенно стремился ограничить контакт строго деловыми рамками. На приемах же, где иногда приходилось случайно встречаться, мы оба делали вид, что друг с другом не знакомы. И индийцы, и иностранные дипломаты люди наблюдательные, не надо было давать им пищу для размышлений...

Наша внешняя политика, казалось мне, всегда чрезмерно ориентировалась на личности. Индира Ганди была выдающимся государственным деятелем и жестким политиком. Она держала в повиновении все руководство правящей партии и безжалостно выбрасывала за борт тех, кто исчерпал свою полезность или чья

лояльность вызывала у нее сомнения. Индира не была, однако, диктатором в демократической стране. Она чутко реагировала на общественное мнение, считалась с оппозицией, с переменчивыми настроениями в парламенте и в собственной партии. На месте, с близкого расстояния, посольство и наша служба все это видели, но для Москвы Индира стала Индией, а Индия — Индирой. Подобный подход вел к чрезмерному упрощению явлений, но, видимо, взглянуть на вещи по-другому в Москве не хотели и не могли. Люди бессознательно пытаются экстраполировать на чужие страны свои привычные порядки. Наша политика фокусировалась на Индире Ганди, Международный отдел ЦК вынуждал индийских коммунистов поддерживать ее, на это же усилиями посольства и резидентуры направлялось все внушительное просоветское лобби. Любой прохладный ветерок в межгосударственных отношениях воспринимался болезненно. Москва вела себя порою так, будто Индия дала обет любви и верности советским друзьям. Покойный премьер-министр любила напоминать на закрытых совещаниях, что у государства нет постоянных друзей или врагов, постоянны только национальные интересы. Именно это и лежало в основе ее патриотической внешней политики.

Личность Индиры, ее политические способности, популярность зачаровывали, заставляли верить, что в любой сложной ситуации она сумеет найти такой маневр, который укрепит ее позиции. Советская сторона на всех уровнях, используя все возможности, поддерживала премьер-министра. Немало потрудились над этим и наша служба, причем не только в Индии, но и за ее пределами. Информация, содержавшая критические оценки того или иного аспекта политики Индиры Ганди, встречала в Центре прохладный прием, и я не уверен, что она покидала стены ПГУ.

12 июня 1975 года судья Аллахабадского суда Синха признал недействительным избрание Индиры Ганди в парламент и лишил ее на шесть лет права избираться в выборные органы. Подтвердилась безошибочность теоремы Гедела: «Когда все предусмотрено, когда исключена возможность какой-либо ошибки или даже неожиданности, что-то обязательно случается»⁵. Разразился политический кризис. Правящая партия стала стеной на защиту премьера. Сама Индира Ганди проявляет великолепные бойцовские качества. По сорокаградусной жаре она ежедневно десятки раз выступает перед конгрессистскими демонстрациями, проходящими перед резиденцией премьера, говорит ярко, просто и убедительно. В городе организуется миллионный митинг в поддержку Индиры, до крайности возбуждена вся страна. Решение судьи Синха оспаривается в Верховном суде, но исход дела

далеко не ясен. В советском посольстве ругают демократию. «Это дерьмократия», — заявляет один из старейших дипломатов. Наша пресса два года тому назад замолчала Уотергейт, и не потому, что Никсон был близок и дорог Советскому Союзу. Причина была ясна — власть священна и неприкосновенна в принципе, любые покушения на нее вредны в принципе. Здесь же какой-то судья (априорно реакционер и проамериканец) замахнулся на великого лидера и к тому же друга Советского Союза.

Контроль за обстановкой ускользает из рук Нацконгресса и Ганди, и премьер предпринимает беспрецедентный шаг — вводит чрезвычайное положение. Цензура, запрет некоторых газет, арест видных деятелей оппозиции. Индия затихает. Думаю, что именно чрезвычайное положение было началом процесса, завершившегося поражением Нацконгресса и самой Индиры на выборах в марте 1977 года. Народ не прощает злоупотребления силой.

Наше увлечение Индирой было столь велико, что, следя за всеми хитросплетениями политической борьбы, анализируя нити бесчисленных интриг, замысловатых маневров, все мы упустили из виду главное действующее лицо любой исторической драмы — безмолвствующий до поры до времени народ.

Эксперты — это люди, за деревьями не видящие леса.

На выборах 1977 года Национальный конгресс потерпел сокрушительное поражение. Наша служба не предвидела масштабов этого поражения. Слабым утешением было то, что в прогнозах ошиблись все: индийские политики, иностранный дипломатический и разведывательный корпус, проникательная индийская, и мировая пресса. Не всегда приятно оказаться на стороне большинства. В московских кругах, интересующихся индийскими делами, распространился слух, что КГБ-де предсказывал плачевный результат выборов, но с этим не согласилось посольство. Эти слухи были необоснованны. Мы регулярно общались с послом В. Ф. Мальцевым, обменивались информацией, советовались. Не было сомнений, что Индира Ганди быстро теряет позиции, но сохраняет шансы на получение хотя бы относительного большинства в парламенте. Возможность того, что потерпит поражение сама премьер-министр, практически не допускалась. Резидент и посол ошибались в одинаковой степени.

Падение правительства Ганди и приход к власти Морарджи Десаи не сказались сколь-либо заметным образом на советско-индийских отношениях. Факторы, сближающие наши страны, действовали объективно. Именно эти факторы — экономические, стратегические, военные — определяли отношение индийских руководителей к нашей стране и государственную политику Индии.

Падение Индиры Ганди было неприятным эпизодом, но не трагедией с точки зрения интересов Советского Союза.

Между тем истекал шестой год моей работы в Индии. Центр считал благоразумным ускорить мой отъезд.

...1 апреля 1977 года в Москве шел густой мокрый снег. Как хороша все-таки наша весна — хмурая, неулыбчивая, непостоянная, но такая понятная. Еще одна московская весна — много ли у меня их будет?

